

ВОЙНА И ДЕТИ

В дни войны

Глаза девчонки семилетней
Как два померкших
огонька.
На детском личике
заметней
Большая, тяжкая тоска.
Она молчит, о чем ни
спросишь,
Пошutiшь с ней, – молчит в
ответ.
Как будто ей не семь, не
восемь,
А много, много горьких лет.
(А. Барто)

Дети в Освенциме

Мужчины мучили детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились – мучили детей.
И это каждый день опять:
Кляня, ругаясь без
причины...
А детям было не понять,
Чего хотят от них мужчины.
За что – обидные слова,
Побои, голод, псов
рычанье?
И дети думали сперва,
Что это за непослушанье.
Они представить не могли
Того, что было всем
открыто:
По древней логике земли,
От взрослых дети ждут
защиты.
А дни всё шли, как смерть
страшны,
И дети стали образцовы.
Но их всё били.
Так же.
Снова.
И не снимали с них вины.
Они хватались за людей.
Они молили. И любили.
Но у мужчин "идеи" были,
Мужчины мучили детей.

Я жив. Дышу. Люблю
людей.

Но жизнь бывает мне
постыла,
Как только вспомню: это –
было!
Мужчины мучили детей!
(Наум Коржавин)

Они с детьми погнали
матерей...

Они с детьми погнали
матерей
И яму рыть заставили, а
сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись
голосами.
У края бездны выстроили в
ряд
Бессильных женщин,
худеньких ребят...
Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда,
во веки!
Я видел: плакали, как дети,
реки,
И в ярости рыдала мать-
земля...
Я слышал: мощный дуб
свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох
тяжелый.
Детей внезапно охватил
испуг, –
Прижались к матерям,
цепляясь за подола.
И выстрела раздался
резкий звук...
– Я, мама, жить хочу. Не
надо, мама...
(Муса Джалиль)

Мужчина

Отца на фронт призвали.
И по такой причине
Я должен жить отныне,
Как следует мужчине.

Мать вечно на работе.
Квартира опустела.
Но в доме для мужчины
Всегда найдётся дело.

Полны водою вёдра.

Подметена квартира.
Посуду мыть несложно –
На ней ни капли жира.

С трёх карточек талоны
Стригут мне в гастрономе.
Кормилец и добытчик.
Мужчина. Старший в доме.

Я искренне уверен,
Что стал отцу заменой.
Но в жизни той далёкой,
Блаженной, довоенной,
Отец не занимался
Подобными делами.
Мать заменила папу.
Я помогаю маме.
(В. Берестов)

Мальчики

Уходили мальчики – на
плечах шинели,
Уходили мальчики – храбро
песни пели,
Отступали мальчики
пыльными степями,
Умирили мальчики, где –
не знали сами...
Попадали мальчики в
страшные бараки,
Догоняли мальчиков лютые
собаки.
Убивали мальчиков за
побег на месте,
Не продали мальчики
совести и чести...
Не хотели мальчики
поддаваться страху,
Поднимались мальчики по
свистку в атаку.
В черный дым сражений,
на броне покатоЙ
Уезжали мальчики –
стиснув автоматы.
Повидали мальчики –
храбрые солдаты –
Волгу – в сорок первом,
Шпрее – в сорок пятом,
Показали мальчики за
четыре года,
Кто такие мальчики нашего
народа.
(И. Карпов)

Детский ботинок

Занесенный в графу
С аккуратностью чисто
немецкой,
Он на складе лежал
Среди обуви взрослой и
детской.
Его номер по книге:
"Три тысячи двести
девятый".
"Обувь детская. Ношена.
Правый ботинок. С
заплатой..."
Кто чинил его? Где?
В Мелитополе? В Кракове?
В Вене?
Кто носил его? Владек?
Или русская девочка
Женя?..
Как попал он сюда, в этот
склад,
В этот список проклятый,
Под порядковый номер
"Три тысячи двести
девятый"?
Неужели другой не
нашлось
В целом мире дороги,
Кроме той, по которой
Пришли эти детские ноги
В это страшное место,
Где вешали, жгли и пытали,
А потом хладнокровно
Одежду убитых считали?
Здесь на всех языках
О спасенье пытались
молиться:
Чехи, греки, евреи,
Французы, австрийцы,
бельгийцы.
Здесь впитала земля
Запах тлена и пролитой
крови
Сотен тысяч людей
Разных наций и разных
сословий...
Час расплаты пришел!
Палачей и убийц – на
колени!
Суд народов идет
По кровавым следам
преступлений.
Среди сотен улик –

Этот детский ботинок с
заплатой.
Снятый Гитлером с жертвы
Три тысячи двести девятой.
(С. Михалков)

Десятилетний человек

Крест-накрест синие
полоски
На окнах съезжившихся хат.
Родные тонкие березки
Тревожно смотрят на закат.
И пес на теплом пепелище,
До глаз испачканный в
золе,
Он целый день кого-то
ищет
И не находит на селе...
Накинув старый зипунишко,
По огородам, без дорог,
Спешит, торопится
парнишка
По солнцу – прямо на
восток.
Никто в далекую дорогу
Его теплее не одел,
Никто не обнял у порога
И вслед ему не поглядел.
В нетопленной, разбитой
бане
Ночь скоротавши, как
зверек,
Как долго он своим
дыханьем
Озябших рук согреть не
мог!
Но по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза.
Должно быть, слишком
много сразу
Увидели его глаза.
Все видевший, на все
готовый,
По грудь проваливаясь в
снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.
Он знал, что где-то
недалече,
Выть может, вон за той
горой,
Его, как друга, в темный
вечер
Окликнет русский часовой.

И он, прижавшийся к
шинели,
Родные слыша голоса,
Расскажет все, на что
глядели
Его недетские глаза.
(С. Михалков)

Страшная сказка

Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.

Не сможет позабыться
страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет
враг
За это поплатиться.

Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.

Настанет новый, лучший
век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.
(Б. Пастернак, 1941 г.)

"Не" и "ни"

Мне рассказывал
смоленский
Паренек:
– В нашей школе
деревенской
Шел урок.

Проходили мы частицы
"Не" и "ни".
А в селе стояли фрицы
В эти дни.

Обобрали наши школы
И дома.
Наша школа стала голой,
Как тюрьма.

Из ворот избы соседской
Угловой

К нам в окно глядел
немецкий
Часовой.

И сказал учитель: "Фразу
Дайте мне,
Чтобы в ней встречались
сразу
"Ни" и "не"."

Мы взглянули на солдата
У ворот
И сказали: "От расплаты
НИ один фашист проклятый
НЕ уйдет!"
(С. Маршак)

Война

В классе очень холодно,
На перо дышу,
Опускаю голову
И пишу, пишу.

Первое склонение —
Женский род на «а»,
Сразу, без сомнения,
Вывожу — «война».

Что всего существенней
Нынче для страны?
В падеже родительном:
Нет — чего? — «войны».

А за словом воющим —
Мама умерла...
И далекий бой еще,
Чтобы я жила.

Шлю «войне» проклятия,
Помню лишь «войну»...
Может, для примера мне
Выбрать «тишину»?

Но «войною» меряем
Нынче жизнь и смерть,
Получу «отлично» я —
Это тоже месть...

О «войне» тот горестный,
Гордый тот урок,
И его запомнила
Я на вечный срок.
(Людмила Миланич)

Урок истории

Еще война гудит невдалеке,
Ночами затемняется весь
город,
Находим автомат на
чердаке,
На переменах поджигаем
порох.
Семейные добытки,
гонцы,
В очередях намёрзшиеся
вдоволь,
За партами сидели огольцы
И слушатели сновидений
вдоволь.

На стенах блики весело
дрожат:
Свеча и сумеречная отрада.
И, слава богу, отменён
диктант.
Нет электричества — ну и
не надо!
Сегодня мир смешается
слегка,
Растут его таинственные
тени...

Вы берегли высокие слова
Для этих полусказочных
мгновений:
— Текла Непрядва в Дон, и
тыщу лет
Никто не знал, что есть
река такая...
На поле умирает Пересвет,
И отступает конница
Мамая.
(Э. Портнягин)

Майор привез мальчишку на лафете...

Майор привез мальчишку
на лафете.
Погибла мать. Сын не
простился с ней.
За десять лет на том и этом
свете
Ему зачтутся эти десять
дней.

Его везли из крепости, из
Бреста.

Был исцарапан пулями
лафет.

Отцу казалось, что
надежней места
Отныне в мире для ребенка
нет.

Отец был ранен, и разбита
пушка.
Привязанный к щиту, чтоб
не упал,
Прижав к груди заснувшую
игрушку,
Седой мальчишка на
лафете спал.

Мы шли ему навстречу из
России.
Проснувшись, он махал
войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще
другие,
Что я там был и мне пора
домой...

Ты это горе знаешь
понаслышке,
А нам оно оборвало
сердца.
Кто раз увидел этого
мальчишку,
Домой прийти не сможет
до конца.

Я должен видеть теми же
глазами,
Которыми я плакал там, в
пыли,
Как тот мальчишка
возвратится с нами
И поцелует горсть своей
земли.

За все, чем мы с тобою
дорожили,
Призвал нас к бою
воинский закон.
Теперь мой дом не там, где
прежде жили,
А там, где отнят у
мальчишки он.
(К. Симонов)

В пилотке мальчик босоногий

В пилотке мальчик
босоногий
С худым заплочным
узлом
Привал устроил на дороге,
Чтоб закусить сухим
пайком.

Горбушка хлеба, две
картошки –
Всему суровый вес и счет.
И, как большой, с ладони
крошки
С великой бережностью – в
рот.

Стремглав попутные
машины
Пронесут пыльные борта.
Глядит, задумался
мужчина.
– Сынок, должно быть
сирота?

И на лице, в глазах, похоже,
–
Досады давнишняя тень.
Любой и каждый всё про то
же,
И как им спрашивать не
лень.

В лицо тебе серьезно глядя,
Еще он медлит рот открыть.
– Ну, сирота. – И тотчас: –
Дядя,
Ты лучше дал бы докурить.
(А. Твардовский)

Мне не забыть

Приехал издалёка я,
Приехал я с войны...
Теперь учусь на токаря,
Нам токари нужны.
Теперь стою я
За станком
И вспоминаю мать,
Она звала меня
Сынком
И тёплым,
Клетчатым платком
Любила укрывать.

Мне не забыть,
Как мать вели,
Я слышал крик её
Вдали...
Братишка был
Ещё живой,
Он бился,
Звал отца,
Штыком
Фашистский часовой
Столкнул его
С крыльца.

Мне не забыть,
Как мать вели,
Мелькнул платок её
Вдали...
(А. Барто)

Вернулся...

Мы папу не видели
Очень давно,
С тех пор
Как на улицах
Стало темно...

Маме работать
Вечернюю смену,
Мама ушла,
Поручила мне Лену.
Мы с Ленкой одни
Остаемся в квартире.
Вдруг входит военный
В зеленом мундире.
— К кому вы пришли? —
Я спросил у майора. —
Мама с работы
Вернется не скоро.
Вдруг — я смотрю —
Он бросается к Ленке,
Поднял ее,
Посадил на коленки.
Он и меня тормошит
Без конца:

— Что ж ты, сынок,
Не узнаешь отца?

Я майора обнимаю,
Ничего не понимаю:
— Вы на папу не похожи!
Посмотрите — он моложе!
—
Вынул я портрет из шкапа
—

Посмотрите — вот мой
папа!
Он смеется надо мной:
— Ах ты, Петька, мой
родной!

Потом он как начал
Подкидывать Ленку —
Я испугался:
Ударит об стенку.
(А. Барто)

Мальчик из села Поповки

Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись
ребёнок –
Последний гражданин
села.

Испуганный котёнок белый,
Обломок печки и трубы –
И это всё, что уцелело
От прежней жизни и избы.
Стоит белоголовый Петя
И плачет, как старик без
слёз,
Три года прожил он на
свете,
А что узнал и перенёс.
При нём избу его спалили,
Угнали маму со двора,
И в наспах вырытой могиле
Лежит убитая сестра.
Не выпускай, боец,
винтовки,
Пока не отомстишь врагу
За кровь, пролитую в
Поповке,
И за ребёнка на снегу.
(С. Маршак)

В блокадных днях мы так и не узнали...

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем
Выдали медали,
И только в сорок пятом —
Паспорта.
И в этом нет беды...
Но взрослым людям,

Уже прожившим многие
года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда...
(Ю. Воронов)

Мальчик из блокады

От голода не мог и плакать
громко,
Ты этого не помнишь
ничего,
Полуживым нашли тебя в
обломках
Девчата из дружины ПВО.
И кто-то крикнул:
«Девочки, возьмёмте!»
И кто-то поднял бережно с
земли.
Вложили в руку хлеба
чёрствый ломтик,
Закутали и в роту принесли.
Чуть поворчав на выдумку
такую,
Их командир, хоть был он
очень строг,
Тебя вписал солдатом в
строевую,
Как говорят, на котловой
паёк.
А девушки, придя со смены
прямо,
Садилась, окружив твою
кровать,
И ты вновь обрётённым
словом «мама»
Ещё не знал, кого из них
назвать.
(И. Ринк)

Мечты блокадного мальчишки

На окнах – надоевшие
кресты...
И сутки не смолкает
канонада,
А светлые мальчишечьи
мечты
Ведут меня по дедовому
саду.

Так хочется дотронуться
рукой
До яблочной прозрачно-
спелой кожи,
Увидеть вновь улыбки и
покой
На лицах торопящихся
прохожих!

Так хочется, чтоб мамочка
моя,
Как прежде, заразительно
смеялась,
Израненная взрывами
земля
В цветочных росах снова
искупалась!

Бумажным лёгким змеем с
ветерком
Умчаться ввысь
распахнутого неба.
И съесть – взахлёб!
До крошки!
Целиком!
Буханку вкусно пахнущего
хлеба!
(Сон Светлана ■)

Кукла

Много нынче в памяти
потухло,
а живет безделица, пустяк:
девочкой потерянная кукла
на железных скрещенных
путях.

Над платформой пар от
паровозов
низко плыл, в равнину
уходя...
Теплый дождь шушукался в
березах,
но никто не замечал
дождя.

Эшелоны шли тогда к
востоку,
молча шли, без света и
воды,
полные внезапной и
жестокой,
горькой человеческой
беды.

Девочка кричала и просила
и рвалась из материнских
рук, —
показалась ей такой
красивой
и желанной эта кукла
вдруг.

Но никто не подал ей
игрушки,
и толпа, к посадке
торопясь,
куклу затоптала у теплушки
в жидкую струящуюся
грязь.

Маленькая смерти не
поверит,
и разлуки не поймет она...
Так хоть этой крохотной
потерей
дотянулась до нее война.

Некуда от странной мысли
деться:
это не игрушка, не пустяк, —
это, может быть, обломок
детства
на железных скрещенных
путях.
(В. Тушнова, 1943)

Тихвин, 14 октября 1941
года

Они были уже далеко от
блокады –
Вывозимые в тыл
ленинградские дети.
Где-то там, позади
артобстрелов раскаты,
Вой сирен, стук зениток в
прожекторном свете,

Надоевшие бомбоубежищ
подвалы,
Затемненных домов
неживые громады,
Шёпот мам на тревожном
перроне вокзала:
"Будет всё хорошо, и
бояться не надо!..."

А потом путь по Ладоге,
штормом объётой,
Волны, словно таран, били
в баржи с разгона.
Наконец, твёрдый берег –
уже за блокадой!
И опять пересадка, и снова
в вагоны.

Они были уже далеко от
блокады,
Всё спокойней дышалось
спасаемым детям,
И стучали колёса: "Бояться
не надо!
Бояться не надо! Мы едем!
Мы едем!"

Поезд встал, отдуваясь, на
станции Тихвин.
Паровоз отцепился, поехал
пить воду.
Всё вокруг, как во сне, было
мирным и тихим...
Только вдруг крик
протяжный за окнами:
"Воздух!"

"Что случилось?" – "Налёт.
Выходите быстрее!.." –
"Как налёт? Но ведь мы же
далёко от фронта..." –
"Выводите детей из
вагонов скорее!.." –
А фашист уже груз сыпанул
с разворота.

И опять свист и вой души
детские рвали,
Словно дома, в кошмарной
тревог круговерти.
Но сейчас дети были не в
прочном подвале,
А совсем беззащитны,
открыты для смерти.

Взрывы встали стеной в
стороне, за домами.
Радость робко прорвалась
сквозь страх: "Мимо!
Мимо!"

И душа вновь припала к
надежде, как к маме –
Ведь она где-то рядом,
неслышно, незримо...

А над станцией снова
свистит, воет, давит,
Бомбы к детям всё ближе,
не зная пощады.
Они рвутся уже прямо в
детском составе.
"Мама!.. Ты говорила:
бояться не надо!.."

Есть на тихвинском
кладбище, старом,
зелёном,
Место памяти павших
героев сражений.
Здесь в дни воинской
славы склоняются знамёна,
Рвёт минуту молчанья
салют оружейный.

А в другой стороне в
скромной братской могиле
Спят погибшие здесь
ленинградские дети.
И цветы говорят, что о них
не забыли,
Что мы плачем о них даже
в новом столетье.

Помолчим возле них,
стиснув зубы упрямо,
Перечтём вновь и вновь
скорбный текстobelиска,
И почудятся вдруг голоса:
"Мама! Мама!
Приезжай, заведи нас
отсюда! Мы близко!.." –
(А. Молчанов)

Баллада о кукле
Груз драгоценный баржа
принимала –
Дети блокады садились в
неё.
Лица недетские цвета
крахмала,
В сердце горе своё.
Девочка куклу к груди
прижимала.

Старый буксир отошёл от
причала,
К дальней Кобоне баржу
потянул.

Ладога нежно детишек
качала,
Спрятав на время большую
волну.
Девочка, куклу обняв,
задремала.

Чёрная тень по воде
пробежала,
Два "Мессершмита"
сорвались в пике.
Бомбы, оскалив
взрывателей жала,
Злобно завывали в
смертельном броске.
Девочка куклу сильнее
прижала...

Взрывом баржу разорвало
и смяло.
Ладога вдруг распахнулась
до дна
И поглотила и старых, и
малых.
Выплыла только лишь
кукла одна,
Та, что девчурка к груди
прижимала...

Ветер минувшего память
колышет,
В странных виденьях
тревожит во сне.
Сняться мне часто большие
глазища
Тех, кто остался на
ладожском дне.
Снится, как в тёмной,
сырой глубине
Девочка куклу уплывшую
ищет.
(А. Молчанов)

Памяти ленинградских
детей, погибших на
станции Лычково

Есть места на земле, чьи
названия, словно оковы,
Держат в памяти то, что
осталось в печальной дали.
Вот таким местом скорби и
братства нам стало
Лычково –

Небольшое село на краю
новгородской земли.

Здесь в июльский
безоблачный день сорок
первого года
Враг, нагрянув с небес,
разбомбил пассажирский
состав –
Целый поезд детей
Ленинграда, двенадцать
вагонов,
Тех, что город хотел
уберечь в этих тихих
местах.

Кто же мог в Ленинграде в
тревожном июне
представить,
Что фашисты так быстро
окажутся в той стороне,
Что детей отправляют не в
тыл, а навстречу войне,
И над их поездами
нависнут машины с
крестами?..

Им в прицел было видно,
что там не солдаты, не
пушки,
только дети бегут от
вагонов – десятки детей!..
Но пилоты спокойно и
точно бомбили теплушки,
Ухмыляясь злорадной
арийской усмешкой своей.

И метались по станции в
страхе мальчишки,
девчонки,
И зловеще чернели над
ними на крыльях кресты,
И мелькали средь пламени
платица и рубашонки,
И кровавились детской
плотью земля и кусты.

Глохли крики и плач в рёве,
грохоте, "юнкеров" гуде,
Кто-то, сам погибая,
пытался другого спасти...
Мы трагедию эту во веки не
забудем.
И фашистских пилотов-
убийц никогда не простим.

Разве можно забыть, как
детей по частям собирали,
Чтобы в братской могиле,
как павших солдат,
схоронить?
как над ними, не стыдясь, и
мужчины рыдали
И клялись отомстить...
Разве можно всё это
простить!

На Руси нету горя чужого,
беды постороннее,
И беду ленинградцев
лычковцы считали своей.
Да кого же убийство детей
беззащитных не тронет?
Нету боли страшнее, чем
видеть страдания детей.

Вечным сном спясть в
Лычкове на кладбище
в скромной могиле
Ленинградские дети –
далёко от дома и мам.
Но лычковские женщины
им матерей заменили.
Отдавая заботы тепло их
остывшим телам,

Убирая могилу невинных
страдальцев цветами,
Горько плача над ними в
дни скорби и славы страны
И храня всем селом
дорогую и горькую память
О совсем незнакомых,
безвестных, но всё же
родных.

И воздвигли в Лычкове на
площади, возле вокзала,
Скорбный памятник детям,
погибшим в проклятой
войне:
Перед рваною глыбою –
девочка,
словно средь взрывов, в
огне,
В смертном ужасе к сердцу
дрожащую руку прижала...
(Говорят, при отливе её
капля бронзы слезой
побежала

И осталась на левой щеке –
до скончания дней.)

А по рельсам бегут поезда.
Остановка – Лычково.
пассажиры спешат
поглядеть монумент,
расспросить,
Врезать в сердце своё
страшной повести каждое
слово,
Чтобы лычковскую боль все
страной не забыть, не
простить
(А. Молчанов)

Цветок жизни

По Дороге Жизни –
сглаженной, спрямлённой,
Залитой асфальтом - мчит
машин поток.
Слева, на кургане, к солнцу
устремлённый
Их встречает белый
каменный Цветок.

Памятью нетленной о
блокадных детях
На земле священной он
навек возвращен,
И к сердцам горячим всех
детей на свете
Он призывом к Дружбе, к
Миру обращён.

Тормозни, водитель!
Задержитесь, люди!
Подойдите ближе, головы
склоня.
Вспомните о тех, кто
взрослыми не будет,
Тех, кто детским сердцем
город заслонял.

У Дороги Жизни шепчутся
берёзы,
Седины лохматит дерзкий
ветерок.
Не стыдитесь, люди, и не
прячьте слезы,
Плачет вместе с вами
каменный Цветок.

Сколько их погибло – юных ленинградцев?

Сколько не услышит грома мирных гроз?

Мы сжимаем зубы, чтоб не разрыдаться.

Чтобы всех оплакать, нам не хватит слёз.

Их похоронили в братские могилы.

Был обряд блокадный, как война, жесток.

И цветов тогда мы им не приносили.

Пусть теперь в их память здесь цветёт Цветок.

Он пророс сквозь камни, что сильнее столетий, Поднял выше леса белый лепесток.

Всей земле Российской, всей земной планете

Виден этот белый каменный Цветок.

(А. Молчанов)

Памяти 13 миллионов детей, погибших во Второй мировой войне

Тринадцать миллионов детских жизней Сгорело в адском пламени войны.

Их смех фонтанов радости не брызнет

На мирное цветение весны.

Мечты их не взлетят волшебной стаей Над взрослыми серьезными людьми, И в чём-то человечество отстанет, И в чём-то обеднеет целый мир.

Тех, кто горшки из глины обжигают, Хлеба растят и строят города, Кто землю по-хозяйски обживают

Для жизни, счастья, мира и труда.

Без них Европа сразу постарела, На много поколений недород И грусть с надеждой, как в лесу горелом: Когда ж подлесок новый станет в рост?

Им скорбный монумент воздвигнут в Польше, А в Ленинграде – каменный Цветок, Чтоб в памяти людей остался дольше Прощедших войн трагический итог.

Тринадцать миллионов детских жизней - Кровавый след коричневой чумы.

Их мертвые глазёнки с укоризной Глядят нам в душу из могильной тьмы,

Из пепла Бухенвальда и Хатыни, Из бликов пискаревского огня:

"Неужто память жгучая остынет? Неужто люди мир не сохраняют?"

Их губы запеклись в последнем крике, В предсмертном зове милых мам своих... О, матери стран малых и великих! Услышьте их и помните о них!

(А. Молчанов)

Стихи о почтальонке

Ей пятнадцати нет. Девчонка. Невысока и очень худа.

Письмоносица, почтальонка, По прозвищу Нюрка-беда.

В зной и в слякоть, в метель со стужей С сумкой кожаной наперевес Разнести Нюрке почту нужно По пяти деревенькам окрест.

Дома двое младших братишек, Мать болеет почти уж год. Слава Богу, отец с фронта пишет – Ждут и верят, что он придет.

Он придет, и все будет как прежде, Как в далеком-далеком вчера. Не лиши только, Боже, надежды... И опять на работу пора.

Ребятишкам – картошка в печке, Ей с утра – с сумкой наперевес. А что впроголодь...Бегать легче По пяти деревенькам окрест.

В деревнях – старики да дети, Бабы – в поле, то сеют, то жнут. Почтальонку вдали приметят И с сердечной тревогой ждут.

Треугольник – живой! Удача! Коли серый казенный конверт – Замолчат, закричат, заплачут... И померкнет в глазах белый свет...

Защемит у девчонки
сердчишко
От людского горя и бед...
Тяжела эта сумка слишком,
Если там от беды привет.

Вести черные – похоронки,
Горя горького череда.
Письмоносице,
почтальонке
Без вины дали имя – Беда.

Малолетка еще, девчонка –
Только в косах полно
седины.
Письмоносица,
почтальонка,
Разносящая вести с войны.
(Т. Черновская)

Василий Васильевич

В великой русской кузнице
за каменной горой
Стоит, гудит, работает
заводик номерной.
Туда Василь Васильевич
приходит чуть заря
И весело командует: "За
дело, токаря!

За горы за Уральские молва
о нем идет,
А он себе работает и
бровью не ведет.
Во всем Урале токаря,
пожалуй, лучше нет.
Привет, Василь Васильевич,
примите наш привет!

С глазами светло-синими, с
кудрявой головой
Работает, старается
гвардеец тыловой.
Фотографы газетные бегут
его снимать.
Никто Василь Васильича не
может обогнать.

В минуту получается
готовая деталь,
На грудь ему повешена
отличия медаль.

Девчата им любят, любят,
подходят и молчат,
А он и не оглянется, не
смотрит на девчат.

За горы за Уральские молва
о нем идет,
А он себе работает и
бровью не ведет.
Василию Васильичу всего
тринадцать лет.
Привет, Василь Васильевич,
примите наш привет!
(Б. Ласкин, 1944)

Солдатские прачки

Вы с нами делили
Нелёгкие
Будни похода,
Солдатские прачки
Весны сорок пятого года.
Вчерашние школьницы,
Мамины дочки,
Давно ль
Полоскали вы
Куклам платочки?
А здесь, у корыт,
Во дворе госпитальном
Своими ручонками
В мыле стиральном
До ссадин больных
На изъеденной коже
Смываете
С жёсткой солдатской
Одежи
Кровавую потную
Глину
Большого похода,
Солдатские прачки
Весны сорок пятого года.
Вот вы предо мною
Устало стоите.
Вздымается
Дымная пена
В корыте...
А первое
Мирное
Синее небо —
Такое забудешь едва ли,
Не ваши ли руки
Его постирали?
(Н. Доризо)

Моя сестра

Была обыкновенная
Она ещё вчера.
Теперь сестра военная,
Военная сестра.

Сестре на складе выдали
Большие сапоги.
В один сапог — мы видели
—
Влезают две ноги.

Нога мала, — смущённые
На складе говорят.
И выдали суконную
Шинель до самых пят.

Ей все шинели мерили,
Но меньше так и нет.
И там сестре не верили,
Что ей семнадцать лет.

У ней косичка белая
Вчера ещё была.
Моя сестрёнка — смелая,
Хоть ростом так мала.

Когда летал над крышами,
Над нашим домом враг —
Она всегда с мальчишками
Влезала на чердак.

Шумел пожар над городом,
Дрожал огромный дом.
Она стояла гордая
С пожарным рукавом.

В дымящие развалины
Влетала, как стрела,
Откапывала раненых,
В укрытие несла.

Теперь сестра учёная,
Военная сестра,
На ней шинель с погонами,
Сестре на фронт пора.

Она в подарок платьице
Своё мне отдала.
У мамы слёзы катятся:
— Уж больно ты мала!

А сердце-то, как правило,
По маленьким болит. —
Сестра ремни поправила

И тихо говорит:

— Что голову повесила?
Я, мама, на посту —
И добавляет весело: —
На фронте подрасту!
(З. Александрова)
(Из "Мурзилки" военных лет.)

Спою тебе, родной

Синеглазая девчонка
Девяти неполных лет...
Льётся песня нежно, звонко
На больничный белый цвет.

И под звуков переливы
Чьи-то братья и отцы
Вспоминают дом
счастливым,
Просят спеть ещё бойцы.

«Я спою, — в ответ
девчонка, —
Низко голову склонив,
— Вот, пришла нам
похоронка...
Но я верю: папа жив!

Может, кто из вас случайно
Папу где-нибудь встречал?
Где-то там, в сторонке
дальней,
Вместе с папой воевал?»

И как будто виноваты
В том, что живы до сих пор,
Вдруг отводят все солдаты
От девчонки малой взор.

Проглотив слезу украдкой,
Вновь поёт до хрипотцы,
И, по-взрослому, солдаткой
Кличут девочку бойцы.

Бесконечно петь готова
Песни раненым она,
Но при этом спросит снова,
А в ответ лишь тишина.

И однажды, как награда,
Весь изранен, но живой,
Папа, милый! Вот он,
рядом!

«Я спою тебе, родной!»
(Л. Шмидт)

Губы

Я помню те усталые вагоны.
Военный быт — до мелких
мелочей...
На мальчишке несмятые
погоны
И гулы самых искренних
речей.

И губы — ученические
губы...
Так чист был их нетронутый
овал.
Ни в роще, ни в подъезде,
ни у клуба
Девчонок он ещё не
целовал.

И время ни одной чертой
упрямой
Не тронуло ещё его лица.
И знал он в жизни только
губы мамы
Да — реже — губы жёсткие
отца.

Звучала клятва...
Ветром доносило.
Окопный запах — им весь
мир пропах...
И первая накапливалась
сила
В мальчишеских
доверчивых губах.

Их обожгло не поцелуем
горьким.
Не сладким поцелуем в час
луны.
А огоньком моршанским от
махорки,
Полученной с ладони
старшины.

...Когда упал он, встретив
пулю злую,
Лицом к земле, губами
шевелия, —
Нежней и бескорыстней
поцелуя,
Наверное, не ведала Земля.

(В. Туркин)

Предвоенный вальс

Тебя я на вечере школьном
Случайно на танец позвал,
И дрогнуло сердце
неволью,
Лишь взгляд твой мельком
увидал.

Тогда не хватило нам ночи
—
Меня ты смогла так увлечь,
Что видел лишь ясные очи,
Да слышал лишь милую
речь.

Казалось, что счастье
навечно
Здесь наши сроднило
сердца,
И было так вместе
беспечно,
Не зная судьбы до конца.

Вдруг гул самолетов и
взрывы
Порвали в момент тишину.
По первому фронту
призыву
Ушел воевать на войну.

И кончилось мирное лето,
Все было в руинах вокруг.
Война отлучила нас слепо
От дома, родных и подруг.

Снаряды летели взрываясь,
Ждала смерть на каждом
шагу.
Но школьный наш вальс
вспоминая,
Все яростней бил по врагу.

Тебя я на вечере школьном
Случайно на танец позвал,
И дрогнуло сердце
неволью
Лишь взгляд твой мельком
увидал.

(Н. Стах ■)

Телогрейка

Отца телогрейка
Висит в коридоре.
И пахнет и потом она и
смолой.
Отец в ней работал,
Ходил он на стройку.
Не взял на войну
Телогрейку с собой.
И сын каждый раз
В коридор выбегая,
Всё нюхал её,
Прижимая к лицу.
И тихо шептал:
– Возвращайся скорее!
Вот так помогал он себе и
отцу.
Её не давал никому
надевать он.
И так провисела она всю
войну.
И нюхал сынок её,
Будто молился;
– Я папу дождусь!
Да, я папу верну!
И вот наступила она – та
Победа,
В которую верили все до
конца.
И мальчик дождался!
И папа вернулся!
И папу он обнял и
Встретил отца!
А всё потому, что была
Телогрейка, которая
Столько давала тепла.
Хотите, вы верьте,
Хотите, не верьте –
Но папе вернуться
Она помогла!!!
(Т. Шапиро)